

О свободе и влиянии в истории

(к 5-летней годовщине со дня смерти А. П. Огурцова)

Неретина С. С.,

Институт философии РАН, Москва,

abaelardus@mail.ru

Аннотация: А. П. Огурцов работал в то время, когда изменилось отношение философии не только к естествознанию, но и к исторической науке. Философия истории из размышления о смысле истории, историчности человеческого бытия, типах культуры и социально-историческом развитии превратилась, особенно в американской философии, в философию исторической науки. Ее основной интерес заключается теперь не в проблемах исторического бытия, а в проблемах методологии исторического знания, в анализе способов построения теории, методов проверки исторических обобщений. В центре внимания оказалась реконструкция деятельности историка (роли эмпирических фактов, характера исторического повествования, способов доказательства и обоснования выдвигаемых утверждений и пр.). Разделяя в определенном отношении позиции Ф. Ницше, Огурцов отстаивал идею свободы, дифференцирующую деятельность общества и отдельных индивидов в ходе истории, поставив одновременно проблему того, что означает термин «влияние» для современной философии и ее матричное онтологическое основание.

Ключевые слова: история, свобода, жизнь, поражение философии, культура, философия, смысл, объективность, образование, влияние.

Время уходит, и даже в анализах крови
можно увидеть: седеют косматые брови
времени и опускаются властные плечи
времени. Время времени — недалече.

Время уходит. Не радуется, но уходит.
Время уходит. Оглядывается, но уходит.

Кепочкой машет.
Бывает, что в губы лобзает,
Но — исчезает.
Борис Слуцкий

1

Прошло пять лет, как не стало Александра Павловича Огурцова. Это время осмысления жизни человека, для которого философия была смыслом его жизни и собственно жизнью.

Если следовать классификации Ф. Ницше, считавшего, что есть философы первого ранга и второго, а последние распадаются на околоумов и противоумов, то Саша относится к третьему рангу, который Ницше назвал умами, т. е. историками *продуманного*. Это напрямую соотносится с темой нашего круглого стола, притом что любопытно, что он назвал историками *философов*, очевидно полагая философским делом осознание истории как ее необходимость для жизни и деятельности, а не для информационного запаса музейных знаний, не для уклонения от жизни и деятельности. Я делаю акцент на слове «деятельность», ибо так называлась одна из первых существенных для Александра Павловича статей. Философское дело истории, по Ницше, состоит в том, что человек должен обладать критическим отношением к истории (ему ли, античнику, не знать, что дело истории начиналось у Гомера как третейский суд, ведомый истором?). И этот человек «должен пользоваться силой **разбивать и разрушать** прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше... он привлекает прошлое на суд истории, подвергает его... допросу и... выносит ему приговор»¹.

Занимаясь философией и *историей* науки, Александр Павлович разделял этот пафос Ницше. Прекрасно понимая необходимость тщательного исследования прошлого (чем и как занимался он сам и что Ницше называл «монументальным и антикварным способами изучения прошлого»²), он прекрасно понимал и необходимость критического способа, служащего сохранению жизни, включающего в себя способность к забвению.

О последней способности редко вспоминают и философы, и историки, потому что XX век — проявлением тотальной возможности уничтожения жизни — дал основание для временной отставки идеи забвения в тень. Изредка об этом вспоминали поэты (Б. Слуцкий: «Забвенье тоже создает культуру...»). Лишь в самом конце XX века и в

¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — С. 178.

² Там же. — С. 177.

начале нового тысячелетия, примерно с издания работ М. Хайдеггера, вновь вспомнили об освежающем опыте забвения.

Нет необходимости говорить, что здесь и не пахнет ни стрелой времени, его линейностью или круговоротом. Зато история, как и философия, участвует в формировании личности, определяя ее систему ценностей и взгляды, она свидетельствует, что «цель человечества не может лежать в конце его, а только в его совершеннейших экземплярах³, не в массовости и тем более не в мировом процессе, акцентированном только на рациональных, не иррационально-чувственных ценностях. При этом понятая — философски — история призвана не только организовать хаос путем обдуманного возвращения к своим истинным потребностям, а именно: к познанию самого себя, но и уметь отделять «здоровые» понятия от «понятий-ублюдков» и подчеркивать не столько свою когитальность, но витальность, или анимальность⁴.

В статье конца 1970-х — начала 1980-х годов, озаглавленной «Возможна ли философия без онтологии?»⁵, Александр Павлович (А. П.) пишет, что «философия истории из размышления о смысле истории, историчности человеческого бытия, типах культуры и социально-историческом развитии превратилась, особенно в американской философии, в философию исторической науки. Ее основной интерес заключается теперь не в проблемах исторического бытия, а в проблемах методологии исторического знания, в анализе способов построения теории, методов проверки исторических обобщений», т. е. проблема существования истории для существования философии существовала для А. П. с начала его философской жизни, но существовала скорее как проблема метода, даром что в то время он был частым гостем М. Я. Гефтера, занятого методологией истории. Это, собственно, и было самым главным: проверить возможности метода, казавшегося униформой, исполнением заданных, независимых от человека проектов истории, называемой *естественно-историческим* процессом, чем-то объективным, способным *образовываться* и представить этот процесс в учебнике. Он и взялся за учебник, правда, не истории, а культурологии⁶. Правда, его целью было не создание чего-то усредненного, а как раз лично-особенного.

³ Там же. — С. 217.

⁴ Там же. — С. 226, 228.

⁵ См.: Огурцов А. П. Возможна ли философия без онтологии // Vox. Философский журнал. 2019. № 26 — vox-journal.org.

⁶ Межуев В. М., Михайлов Ф. Т., Неретина С. С., Огурцов А. П. История культурологии: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. — М.: Гардарики, 2006.

Казалось бы, в этом скрывалось изначальное противоречие, если бы не особенность личностных усилий А. П., заключающихся в желании победить необразованность большинства образованных людей, которые, изучая Ницше, Ницше не замечали. Они изучали Канта, Гегеля, Платона, Кьеркегора, Хайдеггера, забыв предупреждение и резюме Ницше, назвавшего любителей объективности «поколением евнухов», которые не в состоянии вынести историю, ибо «она сбивает с толку наши чувства и ощущения» в том случае, если они недостаточно мощны, «чтобы помериться с прошлым»⁷. Даже занимаясь прошлым, занимаются мертвыми буквами и словами, не возбуждающими мысль, не отвечающими на запросы современности. «Постепенно исчезает всякое соответствие между человеком и областью его изысканий; мы видим, что мелкие самоуверенные юнцы обращаются с римлянами запанибрата, они копаются, роются в останках греческих поэтов так, как будто и эти соgroга сохранились только для их хирургических операций и были бы vilia (дешевкой. — С. Н.), подобно их собственным литературным соgroга»⁸, т. е. роли, которую играют плоско и плохо.

И А. П. хотел, чтобы все-таки выучились и Канту, и Гегелю, Платону, Кьеркегору, Хайдеггеру. Я иногда его спрашивала, не слишком ли большое значение он уделяет в книгах реферативному изложению чьих-то позиций. Он отвечал: «Пусть. Это надо знать». Вопреки Ницше, считавшему, что «философия теряет свой смысл при историческом образовании, если только она хочет быть чем-то большим, чем задержанным внутри человека знанием без внешнего действия», от которого отрекся бы «мужественный и решительный человек»⁹, несомненно мужественный и решительный человек Александр Павлович Огурцов, не убоявшийся репрессивной государственной машины, выступивший в защиту несправедно осужденных людей и исключенный из влиятельнейшей партии практически с волчьим билетом, полагал, что образование поможет сложению внутренних сил хотя бы у кого-нибудь, а остальным придаст уверенность жить.

В журнале Vox мы уже в четвертый раз печатаем перевод Герарда Йохана Фоссия «Искусство историки», который поражает несколькими вещами: видно, что историки недалеко в теоретическом плане продвинулись с XVII в., а об иных вещах просто забыли. Забыли, например, об искусстве историки (как поэтики). И еще: книга Фоссия наполнена **именами историков** (а к ним он относил и Платона, и Аристотеля), о которых мы нынче

⁷ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. — С. 189.

⁸ Там же.

⁹ Там же. — С. 188.

не знаем, прочно забыли. Я просила автора перевода сделать примечания к каждому имени. Оказалось: о многих знание уже утрачено. Историков XVII в. мы и ранее знали плохо, знали имена Геродота, впрочем, не называвшего себя историком, Фукидида, Тацита, Саллюстия и еще нескольких, мы почти забыли Джамбаттисту Вико, хотя упоминаем в перечне имен. Когда мы сейчас устраиваем круглые столы, посвященные чьей-то памяти, это означает наше сопротивление забвению, наше желание сохранить всю, даже прошлую жизнь, не отдавая себе отчета в том, что история не порождает, а лишь сохраняет жизнь, и это вряд ли по здравому размышлению можно счесть безоговорочно прекрасным. Когда раздается призыв поддерживать традицию, а традиция несла, к примеру, в себе смертельный запал в виде газовых камер или ГУЛАГа, вряд ли ее нужно сохранять. Когда говорят: давайте подумаем, не поможет ли нам прошлое справиться с репрессивными практиками, — можно ли отказаться от такого продумывания, возрождающего, разумеется, не «эмпирическую сущность вещей», но интеллектуальную энергию?

Попытка сохранить баланс между доступным и недоступным в истории, в том числе в истории философии, т. е. устоять на границе или на переходе от доступного к недоступному и наоборот, породило такой феномен работы А. П., как кажущаяся анонимность его текстов, он как бы говорил от имени науки. Здесь, однако, другая стратегия. Он всегда давал слово своим героям. Он настолько не обладал тщеславием и обладал великодушием, что мысль свободно соседствовала с другой мыслью, позволяя ей преподнести себя как можно шире и полнее. Его отношение к авторству сравнимо с позицией М. М. Бахтина, тоже прятавшего себя в тексте. Но только Бахтин это делал, давая слово своим героям в полифоническом диалоге, а Огурцов давал слово той вещи, которую делал предметом своей мысли. В том и вопрос: этих предметов было очень много: философия науки (он в первую голову считал себя философом науки), философия культуры, история философии, философия естествознания... Количество статей для энциклопедий и энциклопедических словарей зашкаливает. Он фактически писал не только то, что хотел написать, но от чего отказывались другие или для этого не находилось автора. Мыслительный аппарат его головы был устроен так, что он без усилий обращался к разным проблемам: к риторике, методологии, дискурсу, науке, культуре и пр., выбрав концептуалистскую парадигму: общее понималось даже не как вещь, как вот эта конкретная, требующая внимания и усилий решения вещь, а как интонированный голос этой вещи, открывающей самое себя.

Крайне любопытно просмотреть библиографию его работ, чтобы стало ясно, как сдвигались позиции (от марксизма до философского концептуализма), как прорабатывались аналитические аспекты, менялись и тщательно прорабатывались темы — от самых конкретных («Концепция науки Б. Больцано») до самых широких («Концепции науки. XX век. В 3 т.»). При этом очевиден самый важный сдвиг: от обобщающих итогов к общению, к изменению стиля: от некоего объективного построения к философскому «я», ответственному за поступок речи. Школа, строгое философствование, жесткая философская позиция начинания проблемы и жажда ее обсуждения. Его девиз — слова Гуссерля: «Философия — это героизм. <...> Философия является моральным вызовом человечеству»¹⁰. Этими словами можно с полным правом отметить жизненный путь А. П.

С этим же связан и его жгучий интерес к истории философии. Здесь дело не в ставшей, к сожалению, расхожей фразе, что история философии есть сама философия. Он различал два этих понятия, полагая, что история исполняла роль осведомителя о срывах, сломах и перекапываниях, роднившую его философию с ницшеанской. Что история — не эволюционный процесс (с этой ролью справляется банальная традиция), а революционный. Она трансформаторна, по определению: след не может не быть очерченным, но может быть и затертым. Любая ссылка на судьбу или провидение на деле связана с введением в определенность неопределенности, осуществленной еще в Средневековье и связанной с невозможностью однозначно понять оставленный след. Когда Августин смиренно просил: «Я попытаюсь узнать Тебя, Знатель мой, я попытаюсь узнать, как и я узнаю». Парадокс в том, что Бог, Всеведущий и неведомый, незнаемый целиком во мне, который, следовательно, тоже незнаемый. Человек, имеющий *corpus* (по Ницше), “частица созданий Твоих”, вмещает нечто непознаваемо-неведомое, т. е. сам является неведомым, незнакомым ни себе, ни Богу. Он и создан как исток, и сам себе исток. Исток истории, таким образом, состоит из двойственной завязи божественного и человеческого, которая, поскольку и то, и другое — незнакомое, содержит в себе свободу. Это своего рода естественный закон истории, возникший вместе с нарративом, который — в силу того, что он производится *сейчас* и к нему имеется *ответственное* отношение (хочется сказать: вопрос-ответное отношение), — представляет собой не импрессионистское, не размыто-субъективное, а строго субъектное, логическое выстраивание события, поскольку мы находимся в теснейшем контакте не с тематикой, а с

¹⁰ Блауштайн Л. Эдмунд Гуссерль и его феноменология // Львовско-Варшавская школа. Антология. — М., 2015. — С. 601.

идеей события. След в рассказе обретает свою определенность, но в пересказе ее теряет или производится другая определенность, образующая зазор между восприятиями. Этот закон есть мы сами как исторические, т. е. существующие через речь существа. Исключительность этого закона состоит в том, что он не может быть нарушен, ибо в него изначально включается возможность самоизменения, он рождается с предположением вариативности (альтернативности) истории и ее свободы. Можно перефразировать Августинов силлогизм, созданный им для доказательства свободы воли. Нельзя утверждать, что в нашей истории нет ничего произвольного на том основании, что Бог предугадывает в ней все, «ибо нельзя сказать, что предугадавший это, предугадал ничто». Но если он предугадал, что имеет быть в истории, то Он «предугадал не ничто, а нечто, то несомненно, что и при Его предведении нечто в истории есть»¹¹. А потому свободу в истории нельзя отвергать. Ницше был прав, когда считал историю подчиненной неисторической власти, состоящей на службе у жизни¹², тем более что Бог некогда и «определялся» как Жизнь, коей не чужд был и человек. Если Бог познал истории, то Так понятый закон может привести к «моральному футуризму». Разница между философией и историей (в том числе историей философии) в том, что философия находится на границе рождения (начала, начала из ничего), а история *возникает*, т. е. в известном смысле тоже *начинается* (и это парадокс словоупотребления), когда нечто уже начато, сделано, осмыслено или поставлено под вопрос, о чем надо сказать иначе, с другой позиции, с новым состоянием эпохи и пр. Поэтому говоря об определениях истории и философии через начала, мы имеем в виду разные смыслы этих начал. Именно это имел в виду и А. П., говоря о различии между философией и историей философии и о дифференциации как историком-культурном основании, что он продемонстрировал и в «Философии науки эпохи Просвещения», и в «Образах образования», написанной в соавторстве с В. В. Платоновым, и тем более в трехтомной «Философии науки: XX век», где ярче всего показаны сломы и разрывы в исторических концепциях.

К тому же главная линия его философской жизни — *мощнейший антитоталитарный запал и мысли, и действия*. Я говорю об этом не случайно: именно с этим будет связана тема *влияния*. Он легко мог повторить Мандельштама: «Я свободе как закону / Обручен и потому / Эту легкую корону / Никогда я не сниму». Именно эта

¹¹ См.: Блаженный Августин. О граде Божьем. Т. 1. — М.: Изд-во Св.-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. — С. 258.

¹² См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. — С. 168.

идея вывела его из универсально-понятийного пространства мысли, заставив обратить внимание на идею вероятности. Никогда не будучи конфессионально религиозным, он тем не менее понимал заданность свободы, через свободу определял человека, понимая ее вполне по-гегелевски как исторический факт, понимая закон как регулятор человеческой жизни.

2

Оценка сделанного А. П. началась еще при его жизни. Писавшие о нем подчеркивали критическую направленность его ума. Г. С. Батищев писал: «Попытку посредством широкого историко-философского обзора и смелых сопоставлений весьма, казалось бы, далеких друг от друга концепций дать критику всего в целом мировоззренческого направления, принимающего “деятельность как парадигму”, предпринял А. П. Огурцов. Возведенная в верховный “первопринцип” и в “парадигму” деятельность... представляет собой вечно изменчивую, живую стихию, сжигающую в своем пламени все устойчивое, предметное, объективное” — в противоположность “всеобщему *инвариантному содержанию*”, воплощенному в “принципе субстанции”, призванному, согласно А. П. Огурцову, уравнивать собой принцип деятельности. Когда же такой уравнивающий фактор отбрасывается, тогда посредством “деятельности” утверждает себя не что иное, как присвоивший себе безграничное всеисие субъективизм — “метафизика субъективности”», которая «в безумии самомнения... превращает деятельность из объективно-необходимого, предметного, осмотрительного и исторически вынужденного действия в совокупность спонтанных акций, движимых произволом и самовластием субъективности... Общая картина, рисуемая А. П. Огурцовым, получается весьма мрачная. Но она должна побудить нас отказаться от возведения деятельности в парадигму и поставить в качестве сдерживающего противовеса — начало субстанциальности»¹³.

Чуть далее впервые появляется термин, ставший, на мой взгляд, впоследствии для Огурцова определяющим — праоснова, — пока еще в отрицательном смысле. Он вначале и понимал его в отрицательном смысле. «...Отвращаясь от объектно-вещной активности

¹³ Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. — СПб.: РХГИ, 1997. — С. 193. Сравнительно недавно Веса Ойттинен в статье «“Практика” и апории советского марксизма», сопоставив две статьи Огурцова «Практика», написанные для Философской энциклопедии в 1967 г. и для Новой философской энциклопедии 2010 г., также признал его позицию — относительно не только деятельности, но и практики — пессимистической (см.: Человек. История. Культура. К 90-летию Э. В. Ильенкова. Усть-Каменогорск: Казахстанско-Американский свободный ун-т, 2014. — С. 37).

как от “ведущей характеристики человеческого бытия”, возлагают надежды не на какое-то более истинное деяние, достойное вместить в себя также и собственно творчество, а на одинаково чуждое всякому деянию... неизменную, безжизненную Праоснову всех изменений... В этой и только в этой не-диалектической Праоснове видят гарантию “предметности” и “объективности”»¹⁴.

Как видим, не только у Огурцова, но и у Батищева, Ю. Н. Давыдова, В. С. Библера, А. С. Арсеньева появилась — после оттепели 1950–1960-х годов — некая *настороженность* по отношению к влиятельной идее и предположение, что некие пусть хаотические антропологические меры могут воплощать новый тип внутримирных связей, которые похожи на ризому Ж. Делёза, — множественные, нелинейные, запутанные. О Делёзе в это время (в 1970–1980-е годы в России) мало кто знал, но идеи И. Пригожина, который фиксировал внимание на таких характерных свойственных нынешнему миру аспектах реальности, как разнообразие, неравновесность, неустойчивость, допускающих, что малый сигнал на входе в какую-либо систему может спровоцировать сильный резонанс на выходе из нее, активно обсуждались (не говоря о том, что не забывался и ницшеанский проект о «неисторичной» природе).

Эта уверенность в некоей изначальной праоснове и стала предметом сомнений. Впоследствии термин «праоснова» остался, но рассматривался иначе, не эссенциалистски. А. В. Рубцов назвал ее, правда, не раскрывая содержания, «материковым слоем», хотя и фундаментальным, но *историческим, следовательно, изменяемым* залеганием любого научного знания, следовательно, проговариваемого. Содержание этого слоя «*в логике может быть открыто только философу и закрыто для систематизатора*».

Для «синей» энциклопедии А. П. писал позже вошедшую в качестве составной части в его кандидатскую диссертацию статью «Отчуждение» (термин, в те времена считавшийся ненаучным, хотя и принадлежал К. Марксу). Термин, как это стало довольно быстро очевидно, можно сравнить с другим входящим в то же время в обиход — благодаря Б. Брехту и М. М. Бахтину — термином «остранение», предполагающим, что *одна и та же* вещь видится как бы в первый раз и заново, если на нее обращается внимание. Речь идет об опосредовании вещами отношений между людьми. Смысл такого опосредования — в том, чтобы называть *своими* вещи, которыми не владеешь, даже если они тебе принадлежат, поскольку они в каждый следующий момент оказываются другими, а потому неясно, чем ты владеешь.

¹⁴ Там же. С. 195.

Здесь впервые появилась тема влияния как археологического пласта, связанная с попытками проанализировать «деятельность». А дальше она его не отпускала. Он писал об этом в статье «Жизненный мир и кризис науки», при обсуждении проблемы интерсубъективности в понимании А. Шюца, считавшего, что «наш повседневный мир» — интерсубъективен, ибо мы живем в нем, как люди среди других людей, связанные с ними общим *влиянием* и работой, понимающие других и являющиеся для них объектом понимания; в статье «От принципа к парадигме деятельности» при обсуждении теории Канта о «совокупности правил», «когда эти правила мыслятся как принципы в некоторой всеобщности, и притом отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют *влияние* на их применение»¹⁵. При этом практика им трактуется не как всякое *действие*, т. е. тоже *влияние*, в средоточии практического разума, каковым у Канта является понятие воли. А воля — это «специфический вид *причинности* живых существ, включающий в себя понятие законов, а именно законов действия разумных существ». Собственно загвоздкой стала именно эта связь с волей как причинностью, в то время как *влияние* (в русском языке одного корня с волей), по Огурцову, имеет дело с таким фундаментом исторического залегания, *который еще надо понять, что он собой представляет*. При этом, разумеется, учитываются те практические положения, которые «дают закон свободе», а она для А. П., как и для Канта, — онтологический принцип.

Неясный фундамент, вообще проблема неясности — мучительная проблема для Огурцова. Он очевидно ставил ее, хотя опасался четко сформулировать, прибегая к окольным путям. Таким путем был путь выставления на поверхность текста (статей, монографий) идей и теорий множества философов, цитирование их произведений, использование в повествовании неопределенно-личных глаголов, представления себя рупором их мыслей, но при этом жестко выстраивая каркас собственной мысли, который не свойствен ни одному из упоминаемых им философов или историков науки. Выше мы сопоставили это с методом Бахтина, но дело может быть и в другом. В одном из интервью А. П. упомянул об этом своем методе¹⁶, подчеркивая ситуацию *выбора и начинания*, возникающую при блокировке мышления множеством прошедших форм при несотворяемости, но предчувствии нового. В этом-то и интерес: какие формы скрыты под этими внешними представлениями и собственным, казалось бы, отсутствием?

¹⁵ Огурцов А. П. Жизненный мир и кризис науки // Vox. Философский журнал. 2010. № 9 — vox-journal.org. Дата обращения 28.04.2019.

¹⁶ См.: Огурцов А. П. Профессиональное кредо. Интервью [Ю. М. Резника] с профессором А. П. Огурцовым // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27).

Батищев писал об общей неприглядной картине, нарисованной Огурцовым при исследовании таких форм деятельности, которые вели к превращению человека в функцию социальных институтов. Тот же Батищев в 1987 г. отмечал: «Критические результаты, полученные А. П. Огурцовым в 1960-х годах, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Между тем они все же оказали свое влияние на многих авторов, в том числе и на автора данной статьи...»¹⁷ Двадцать с лишним лет крот истории рыл в темноте путь, выводящий на поверхность, но этот темный путь уже оказывал влияние на изменение парадигмы исследований.

В одном из интервью Э. Кальп напомнил о том, что наблюдал американский политолог Джеймс Скотт. Речь шла о том, «как крестьяне и другие угнетенные люди очень умно “зашифровывают” свои действия: для внешнего наблюдателя они кажутся формой глупости и незнания, но для них самих это форма стратегического сопротивления, которая позволяет избегать или даже подрывать требования политической власти на определенной территории»¹⁸.

Кальп усматривает в этом делезианский подход, заключающийся в том, чтобы обнаружить скрытые формы политики под этой маской. Мы же сейчас говорим не о политике в чистом виде (впрочем, и этого не отрицая), а о том, как может неявно проявлять себя философская политика критики без постановки каких-либо конкретных задач или предъявления требований. Кальп полагает, что тем самым создается ощущение движения-в-себе. У Огурцова так оно и было. Он обнаруживал шевеление и дрожь матрицы, когда становился со-исследователем разных тем и проблем, находя схождения (концепты) там, где они никому, кроме него, не были видны и вначале не казались серьезными. «Я философ-одиночка, хотя почти все мои книги выпущены в соавторстве с другими людьми»¹⁹. Жажда соавторства даже с людьми, принципиально далекими от твоей позиции или вовсе с отсутствием принципов, исходит из желания прояснить то, что с твоей стороны казалось темным, неясным, обнаруживая, что другой (серьезный или несерьезный) может коснуться и возбудить такой мыслительный нерв, который не был затронут твоими размышлениями.

¹⁷ Батищев Г.С. Проблемы и трудности перевода некоторых Марксовых философских понятий. — М.: ИФ АН СССР, 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 80012 от 25.06.1987. — С. 3. Примеч. 10.

¹⁸ Хачатуров Арнольд. «Темный Делёз», конспиративный коммунизм и параакадемическая вселенная. Интервью с философом Эндрю Кальпом: // <https://knife.media/andrew-culp-interview/>

¹⁹ Огурцов А. П. Профессиональное кредо. Интервью [Ю. М. Резника] с профессором А. П. Огурцовым // *Личность. Культура. Общество*. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27). — С. 336.

Пример, который приводит Кальп, относится только по видимости к другой сфере деятельности. «Люди, — говорит он в интервью, — пытаются отвергнуть эти позиции как несерьезные». Но «оказывается, что политические убеждения могут с таким же успехом исходить от несерьезных людей, как и от серьезных. Возможно, сейчас у нас происходит инверсия, при которой самые эффективные политические акторы не кажутся серьезными. Поэтому появляются такие люди, как Трамп, которого никто не принимал всерьез, хотя он был очень эффективен. Это был еще и провал Хиллари: она думала, что поворот к серьезности и стабильности — это то, что нужно всей политической системе, и что истина эффективнее юмора».

Этот пример свидетельствует о важности двух проблем: неясности (что она такое?) и о роли тропологии, исследования речевых смен, сдвигов, преобразований, происходящих, как правило, в «темноте» сознания и мышления, где мысль рождает выходящий из нее вымысел, т. е. творческий экстаз «исходит, — как писал Батицев, — отнюдь не только от самого себя и заботится вовсе не только о своем собственном искусстве и успехе, но чтобы она [творческая инициатива] с самого начала доказала бы своему предмету, что она нисколько не есть и не превратится в непрошенное, односторонне-произвольное вторжение в творческий процесс, практикуемое безотносительно к последствиям этого вторжения»²⁰. Если вспомнить о колебаниях матрицы, то, конечно, речь должна идти об онтологических колебаниях и об онтологическом процессе, о чем А. П. писал в нашей совместной книге «Онтология процесса». Но это теснейшим образом связано с мыслью о том, что такое влияние.

Неясность — проблема Делёза, и проблема не онтологическая, о ней повествует Кальп. Но еще раньше именно как проблему неясности, темноты, *obscuritas* поставил Августин в трактате «О диалектике», сопоставив термин «неясность» с термином «двойственность» (*ambiguitas*), т. е. показав многосторонность неясности. В двойственности что-то можно обнаружить, а в неясном, в темноте — ничего. Но сама проблема возникла из понимания трудностей, возникающих от силы слов, в которых всегда остается нечто недосказанное. Туман недосказанного не позволяет различить пути, по которым может двигаться мысль. Неясность тройственна: нечто может открыться чувству, но закрыто для сознания. Можно увидеть рисунок граната, например, но он ничего не скажет сознанию того, кто вообще не знает, что такое гранат. Нечто может открыться и чувству и сознанию, но, как мы иногда говорим, «примерно». Можно

²⁰ Батицев Г. С. Введение в диалектику творчества. — С. 207.

впотьмах нарисовать человека, а потом осветить рисунок. Третий род неясности очевиден тогда, когда человека, не знающего, что такое гранат, в потемках заставили бы этот самый гранат признать. Двусмысленное, даже если оно хорошо видно, слышно и может быть понято, остается неясным до тех пор, пока слова не поставят в определенный контекст²¹. В выражении «я заплачу завтра» акцент, который надо поставить на слово «заплачу», неизвестен до тех пор, пока не выяснен смысл выражения.

Финский философ В. Ойттинен обратил внимание именно на то, что Огурцов занимается и «сбивающими с толку понятиями», например, понятием «практика», и сбивающей с толку фразеологией. «Внешне сохраняя согласие с диаматовской ортодоксией, пытался дать новую интерпретацию понятию “практика”, которая бы лучше отвечала настроениям нового поколения советских философов-“шестидесятников”»²². Ойттинен проводит анализ того, как заставляла себя проявлять та «текучая», с нашей позиции, матрица, на которой записано все, но которая раскрывает себя времени. Как, например, выражается это «внешнее согласие» с новыми потребностями? Можно, например, не упоминая имен югославских философов, дать ссылки на международные дискуссии, в которых они участвовали, или сослаться на раннего Маркса, а не на позднего Ф. Энгельса. Увертки разума? Безусловно. Но этих уверток уже требовала сама изменившаяся жизнь, а она — несмотря на все увертки и не соответствующие господствующей идеологии желания — вскрывала «размытость понятия практики», которая в силу этого «может служить средством обоснования чего угодно».

Он ищет разные способы оказания влияния на философию: со стороны антропологии («Образы образования»), в исследовании дискурсов и дискурсивных практик, т. е. того, что именно дает нам возможность говорить и действовать, в способах конвергенции концепций дискурса как их эпистемологических основаниях. Еще в ранних энциклопедических статьях было высказано допущение, что праосновой-матрицей является «естественный язык», затем уточнилось — речь, звучащее осмысленное, интонированное слово.

Обсуждая позиции Флоренского и Хайдеггера по поводу перевода слова «алетейя», А. П. считает, что перевод Флоренского делает акцент на устойчивости истины в потоке

²¹ Аврелий Августин. О диалектике // Vox. Философский журнал. 2016. Вып. 20. — vox-journal.org. — Дата обращения 28.04.2019.

²² Ойттинен В. «Практика» и апории советского марксизма // Человек. История. Культура. К 90-летию Э. В. Ильенкова. — Усть-Каменогорск: Казахстанско-Американский свободный ун-т, 2014. — С. 30.

времени, на роли памяти в движении субъекта к истине, что, по Огурцову, является характеристикой влияния, а Хайдеггер — на трактовке истины как Откровения Бога. Он полагал, повторю, что всегда имел дело с некоей данностью, и прилагал усилия понять, откуда она, бесконечно испытывая разные позиции, из чего родилась легенда о его энциклопедизме. Он морщился, когда его так называли, но не возражал: это всего лишь слова. Энциклопедизм ведь тоже разный: один — чистое накопление знаний, а другой — следствие именно того вопроса: откуда это? Хотя второй род энциклопедизма немыслим без первого: вопрос в приоритете.

Дело было в этом самом материковом *вливающем* основании, отчего возникало недоумение: это могло быть или пустым вопросом (попробуй найди, кто на что повлиял, иногда на какое-нибудь копеечное событие), иным названием причинно-следственных связей, или это был вопрос того, *как происходит сознание*, — а это уже дело нешуточное. «Влияние», *influentia*, втекание, проникновение одновременно значит *actio*, т. е. действие, понимаемое и как воздействие. Влияние, конечно же, связано с традицией, той, что передает, но передает с помощью жеста, звука, речи, которые, будучи показанными и произнесенными, уже тем самым влились, втекли, подействовали и возымели эффект. Это можно назвать скрытым влиянием (воздействием), но зато самым непосредственным, о чем, как правило, не говорится, но что с самого начала связано с *выбором*. Огурцов полагает, что звуки слова вечным грузом откладываются в той самой матрице, о которой шла речь. Она оставалась инвариантом, но смысл такого инварианта — в постоянной звуковой смене. Это — отложенное и отлаженное запомненное слово — не уйдет даже при смене мысли или выражений, позволивших, в свою очередь, явиться другой мысли, в определенных формах «произведений, выражающих заложенные в них идеи, т. е. представляющие собой его (произведения. — С. Н.) способ говорить». Ницше, которому принадлежит это высказывание, продолжает: они «всегда несут в себе нечто необязательное, как и язык во всех своих видах»²³, то, что может проскочить незамеченным и оказаться ненужным в дальнейшем ходе вещей, но потребовавшимся для возбуждения идеи. Только наличие такой матрицы и позволяет спокойно проговаривать варианты решения проблемы. В этом смысле влияние неотделимо от понятия власти, что, кстати, вполне объясняет феномен Галилея с его «а все-таки она вертится», который предусматривается — как вариант — такого рода матричным основанием.

²³ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Перев. с нем. В. М. Бакусева // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2. — М.: Изд-во «Культурная революция», 2011. — С. 145.

Именно потому (а так устроен сам мозг, по Черниговской) отброшенные варианты интерпретации не исчезают, а сохраняются и могут быть осознаны в некоторых условиях. Поэтому граница между сознаваемыми и несознаваемыми явлениями весьма размыта, хотя в то же время представляет единство всех элементов сознания, которое связано с внешним и внутренним опытом в определенный момент времени. Вопрос в том, что определяет это единство и каков способ его определения. У Канта осознание единства переживаемого прошлого и настоящего осуществляет трансцендентальное Я. Шпет полагает, что «идея, смысл, сюжет — объективны. Идея может влезть или не влезть в голову философствующего персонажа, ее можно вбить в его голову или невозможно, но она есть, и ее бытие нимало не определяется емкостью его черепа. Даже то обстоятельство, что идея не влезает в его голову, можно принять за особо убедительное доказательство ее независимого от философствующих особ бытия»²⁴. М. М. Бахтин называет идею живым событием, «разыгрывающимся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний»²⁵.

Очевидно, что Огурцов хотел рационально понять *иную* логику вливания и возможность действия в ней, т. е. в самой этой логике Иного, видя возможности изменения в матричной заданности.

Эти возможности предъясвляет Т. В. Черниговская в статье «В своем ли мы имени?», которая, впрочем, гораздо менее трезво, чем Ницше, оценивает языковые способности. Она считает язык паразитом, оккупировавшим мозг. Черниговская «обсуждает проблему влияния языка на “организацию природы”. Язык, согласно этой идее, наводит порядок, и природа как бы учится у него (“Nature does take habits”). А сама упорядоченность значит для нас так много не оттого, что она присуща самому миру, а потому лишь, что наше сознание ее этому миру навязало, и он — научившись — стал упорядоченным»²⁶. Повествование порождает язык как систему, она формирует мозг. «Меняя имя — меняем сюжет, а стало быть и координаты сознания»²⁷.

Влияние, таким образом, связано с сознанием, т. е. деятельностью психики, как о том пишет в книге «Сознание объясненное» Д. Деннет, которая связана

²⁴ Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры / Отв. ред., сост. Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2007 г. — С. 244.

²⁵ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963. — С. 100.

²⁶ Черниговская Т. В. В своем ли мы имени? // Канун. Вып. 2. Чужое имя. СПб., 2001. С. 246–260. http://philologos.narod.ru/ling/chernig_name.htm — Дата обращения 28.04.2019. В дальнейшем цитирование по этому источнику.

²⁷ Там же.

с интерпретацией поступающей в мозг и извне, и изнутри информации. «Каждая такая интерпретация гипотетична и может мгновенно сменяться другой, более соответствующей реальной ситуации»²⁸. Это называется элиминацией данности. Но что если данность именно такова? Не полагаем ли мы данностью то, чему навязываем логику или пытаемся нечто «логически», т. е. выдуманными правилами объяснить. Августин в свое время попытался понять значение местоимений. С «он» все ясно — «человек», «конь», «бежит» — все это просто есть, а вот с «я» и «ты» начинается нечто совершенно новое: здесь «нет простого обозначения. Если, к примеру, кто-то говорит “я хожу”, то он заставляет понимать под “хождением” [не только само хождение, но и] себя самого, того, кто ходит... А тот, кто говорит “ходит”, обозначает нечто иное, как саму прогулку, по этой причине третье лицо глагола всегда числится среди простого, и оно не может ни отрицать, ни утверждать»²⁹, т. е. не может морально отвечать за свои действия. Это тоже данность, и даже если известно (религиозному сознанию), откуда она, значит, она такова — изменчива, вариативна, зависит не от времени, а от субъекта отношения.

В последние годы в ряде наук обсуждается понятие виртуальной реальности. Оно весьма размыто и наполняется содержанием, зависящим от профессиональной ориентации и широты подходов. Не оставляет, однако, ощущение, что это сравнительно новое поле вмещает в себя не только своих пра-родителей — компьютерные миры, но и довольно большой набор иных «реальностей», издревле человеку знакомых: сны, мифы, шаманство, игры, многие (если не все) виды искусства и, наконец, особые состояния сознания, вызываемые различными причинами — от естественных и находящихся в пределах общепринятой данной цивилизацией нормы до патологических, вызываемых болезнью или направленными психическими или химическими воздействиями. Все они подразумевают, как правило, переделку субъекта, а значит и смену имени.

Каждая смена — новый концепт, Огурцов не случайно называл себя концептуалистом. И то, о чем говорит Черниговская, на самом деле подразумевалось, а в эпоху Возрождения и проговаривалось, что взгляд художника, перспективно (обратно перспективно) расхаживающего по миниатюре или фреске (ментально расхаживающего), мог обозреть столько миров, сколько вещей у него умещалось в тот его взгляд с того места, откуда он глядел.

²⁸ Лекторский В. А. Сознание // Новая философская энциклопедия. — <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108>. — Дата обращения 28.04.2019.

²⁹ Аврелий Августин. О диалектике. — Vox. Философский журнал. 2016. Вып. 20.

И все же в контексте обсуждаемой темы сведения о мозговой организации сознания весьма существенны. Прежде всего, сведения о семиотической гетерогенности, которая обеспечивается большими полушариями головного мозга с его двойственной природой, двояким прочтением внешней и внутренней информации³⁰. Известно, что на вопрос, что было раньше — стол (стул, потолок, комната) или его название, обычно отвечали: название. На вопрос, почему, давались ответы: потому, что так условились. Язык чаще всего понимается как условие говорить (называть нечто) так, вопрос же, откуда в нас есть способность говорить, как правило, остается без ответа. Более того: на семинарах мы читаем «Об учителе» Августина, смысл которого не только в объяснении, что такое вещи сами по себе и что они могут говорить о себе без слов, но и в том, что любое слово — это звучащее имя. Глагол, местоимение, предлог, союз, если их определить через их собственную сущность глагола, местоимения, предлога, союза оказываются именами. «Что такое “из”? — Предлог», «Какая часть речи “предлог”? — Имя [существительное, прилагательное — неважно]». При чтении Августина его философскую грамматику, когда грамматика оказывается той самой изначальной вариативно проявляющейся матрицей, понимали очень и очень немногие студенты, иногда это просто опускали. Можно, конечно, сказать, что такого рода ответы зависели от уровня образования, но мне кажется, что здесь иное объяснение: грамматика как центр образования более не принимается в расчет. Это, разумеется, раздел лингвистики, собрание законов и правил устного и письменного языка, но что это программа образования (композиции) самого человека, предполагающая способность мозга к идентификации вещной информации. То, что можно назвать «сакральной» вещью, т. е. вещью, лежащей в основании всего («то, что есть»), вещает о себе, идентифицирует на высшем, предельном уровне себя со своим именем, со звуком своего имени.

Об идее внутреннего диалога писали Л. С. Выготский, Вяч. Вс. Иванов, В. С. Библер. Но мне хотелось бы обратить внимание на возникшую еще в Средневековье идею эквивокции, которая представляет слово выразителем двух равных не исчезающих смыслов произведения (два пишем, три в уме), а им, безусловно, является человек, даже если в определенный момент приоритетным становится один из них. Термин, употребляемый Августином (см. Трактат «О диалектике»), возможно, возник и ранее, но теоретически продуман именно Августином, обосновывающим онтологическую концепцию мира.

³⁰ См.: Черниговская Т. В. В своем ли мы имени?

Дж. Х. Джексон в 1970–1980-е годы не с теолого-философских, но с научных (нейропсихологических) позиций описал двойственность мозга³¹. В-лияние и воз-действие и есть эта дву-направленность, способность к двойному кодированию, о чем в те же 1970–1980-е годы писал М. К. Петров.

В этой концепции очевидны границы переходов, то, что прежде было неясно: Ницше подчеркивал их неясность: «*темнота и избыток света вперемешку*»³². Это часто случается в истории. Так, если посмотреть на отношения между героем и автором в каком-либо произведении, то можно сразу сказать, что один переживает некое событие, второй описывает его, о многом лишь догадываясь, поскольку он художник. Но чтобы описание соответствовало переживанию, раз уж художник пишет для других, он выдумывает страсть, где переход от описания к вымыслу неясен или не всегда ясен. Августин, как мы видели, понимал в IV–V вв. то, что на новом (более ли глубоком? Во всяком случае на экспериментальном) уровне подтверждают современные ученые — и о проблеме неясности, и о двойственности жизни. Черниговская пишет, что современный человек «благодаря своему био-логическому устройству постоянно оперирует как минимум с двумя мирами; оба они, как это ни парадоксально, являются, при этом, *виртуальными реальностями*, и только некий их синтез дает то, что мы считаем реальностью настоящей»³³. Можно спорить, именно ли с двумя разными мирами мы имеем дело в этом случае или с разными языками описания. Но ясно, что (и как) работает подвижно-неподвижная матрица человеческого основания, волновавшая А. П. Огурцова. Ибо «в процессе таких переходов и с накоплением все нового когнитивного опыта — меняется и сам человек»³⁴.

Литература

Аврелий Августин. О диалектике. Вох. Философский журнал. 2016. Вып. 20. — vox-journal.org.

Августин Блаженный. О граде Божьем. Т. 1. — М.: Изд-во Св.-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.

Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. — СПб.: РХГИ, 1997.

³¹ Джексон Дж. Х. О природе двойственности мозга. Хрестоматия по нейропсихологии. — М.: Российское психологическое общество, 1999.

³² Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. — С. 155.

³³ Черниговская Т. В. В своем ли мы имени?

³⁴ Там же.

Батищев Г. С. Проблемы и трудности перевода некоторых Марксовых философских понятий. — М.: ИФ АН СССР, 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 80012 от 25.06.1987.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963.

Блауштайн Л. Эдмунд Гуссерль и его феноменология. Львовско-Варшавская школа. Антология. — М., 2015.

Джексон Дж. Х. О природе двойственности мозга. Хрестоматия по нейропсихологии. — М.: Российское психологическое общество, 1999.

Лекторский В. А. Сознание. Новая философская энциклопедия. — <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108>.

Межуев В. М., Михайлов Ф. Т., Неретина С. С., Огурцов А. П. История культурологии: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. — М.: Гардарики, 2006.

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Ницше Ф. Соч.: в 2т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990.

Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Перев. с нем. В. М. Бакусева. Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2. — М.: Изд-во «Культурная революция», 2011.

Огурцов А. П. Профессиональное кредо. Интервью [Ю. М. Резника] с профессором А. П. Огурцовым. Личность. Культура. Общество. 2005. Т. VII. Вып. 3 (27).

Огурцов А. П. Жизненный мир и кризис науки. Vox. Философский журнал. 2010. № 9 — vox-journal.org.

Огурцов А. П. Возможна ли философия без онтологии. Vox. Философский журнал. 2019. № 26 — vox-journal.org.

Ойттинен В. «Практика» и апории советского марксизма. Человек. История. Культура. К 90-летию Э. В. Ильенкова. Усть-Каменогорск: Казахстанско-Американский свободный ун-т, 2014.

Хачатуров Арнольд. «Темный Делёз», конспиративный коммунизм и параакадемическая вселенная. Интервью с философом Эндрю Кальпом. — <https://knife.media/andrew-culp-interview/>.

Черниговская Т. В. В своем ли мы имени? Канун. Вып. 2. Чужое имя. — СПб., 2001. — С. 246–260. — URL: http://philologos.narod.ru/ling/chernig_name.htm.

Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избр. труды по философии культуры / Отв. ред., сост. Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2007.

About Freedom and Influence in History

(on the 5th anniversary of the death of A.P. Ogurtsov)

Svetlana S. Neretina

Abstract: A. P. Ogurtsov worked at a time when the attitude of philosophy changed not only to natural science, but also to historical science. The philosophy of history from thinking about the meaning of history, the historicity of human existence, types of culture and socio-historical development has turned, especially in American philosophy, into the philosophy of historical science. Her main interest now is not in the problems of historical being, but in the problems of the methodology of historical knowledge, in the analysis of methods for constructing a theory, methods for verifying historical generalizations. The focus was on the reconstruction of the historian's activities (the role of empirical facts, the nature of the historical narrative, ways of proving and substantiating the allegations made, etc.). Adhering in a certain respect to the positions of F. Nietzsche, Ogurtsov defended the idea of freedom, differentiating the activities of society and separate individuals in the course of history, posing simultaneously the problem of what means the term «influence» for modern philosophy and its matrix ontological basis.

Keywords: history, freedom, life, defeat of philosophy, culture, philosophy, meaning, objectivity, education, influence.

References

Aurelij Augustin. O dialektike in: Vox. Philisophskij jurnal. 2016. № 20. — vox-journal.org. (In Russian).

Augustin Blajennij. O grade Bojiem. T. 1. Moscow: Izdatel'stvo Sviato-Preobrajenskogo Valaamskogo monastiria, 1994. (In Russian).

Batistchev G. S. Vvedeniye v dialektiku tvortchestva. Sankt-Petersburg: RCHSI, 1997. (In Russian.)

Batistchev G. S. Problemi i trudnosti perevoda nekotorykh Marksovikh philisophskikh poniatij. Moscow: IPH ASUSSR, 1987. Deponirovana v ISS ASUSSR. № 80012 ot 25.06.1987. (In Russian.)

Bakhtin M. M. Problemi poetiki Dostojevskogo. Moscow: Sovetskij pisatel', 1963. (In Russian.)

Blaushtajn L. Edmund Gusserl i jego fenomenologia. In: L'vovsko-Varshavskaja shkola. Antologia. Moscow, 2015. (In Russian.)

Djekson J. Kh. O prirode dvoystvehosti mozga. Khrestomatia po nejropsikhologii. Moscow: Rossijskoje psikhologicheskoe obschestvo, 1999. (In Russian.)

Khachaturov Arnold. «Tiemnij Dlieuz», konspirativnij kommunizm b paraakademicheskaja vseleonnaja. Interv'ju s philosophom Andrew Kal'pom. — URL: <https://knife.media/andrew-culp-interview/>. (In Russian.)

Lektorskij V. A. Soznaniye. In: Novaja philosophskaja entsiclopedia. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01089449209fc347f3553108>. (In Russian.)

Mejujev V. M., Mikhajlov Ph. T., Neretina S. S., Ogurtsov A. P. Istoria kulturologii: Uchebnik dlia acpirantov i soiskatelej uchenoj stepeni kandidata nauk. Moskow: Gardariki, 2006. (In Russian.)

Nizshe Ph. O polze i vrede istorii dlja jizni. In: Nizshe Ph. Sochinenia (Works) v 2 tt. T. 1. Moscow: Misl', 1990. (In Russian.)

Nizshe Ph. Chelovecheskoje, slishkom chelovecheskoje. Kniga dlia svobodnikh umov, perevod s nemetskogo V. M. Bakuseva. In: Nizshe Ph. Polnoje sobranije sochinenij. T. 2. Moscow: Kulturnaja revolutsia, 2011. (In Russian.)

Ogurtsov A. P. Professional'noje credo. Interview [Yu. M. Reznika] s professorom A. P. Ogurtsovim, Lichnost'. Kultura. Obschestvo. 2005. T. VII. Vip. 3 (27). (In Russian.)

Ogurtsov A. P. Jiznennij mir i krizis nauki, in: Vox. Philosophskij jurnal. 2010. № 9 — URL: vox-journal.org. (In Russian.)

Ogurtsov A. P. Vozmojna li philosophia bez ontologii oвозможна ли? In: Vox. Philosophskij jurnal. 2019. № 26 — URL: vox-journal.org. (In Russian.)

Oittinen V. «Praktika» i aporii sovetskogo marksizma. In: Chelovek. Istoria. Kultura. K 90-letiju E. V. Il'enkova. Ust'-Kamenogorsk: Kazakhstansko-Amerikanskij svobodnij universitet, 2014. (In Russian.)

Chernigovskaja T. V. V svojem li ti imeni? Kanun. Vip.2. Chujoje imia. Sankt-Peterburg, 2001 — URL: http://philologos.narod.ru/ling/chernig_name.htm. (In Russian.)

Shpet G. G. Iskusstvo kak vid znaniy. Izbrannije trudi po philosophii kulturi, onvetstvennij redaktor, sostavitel' T. G. Schedrina. Moscow: POSSPEN, 2007. (In Russian.)